

БОРИС ЖОЛУС

Военно-медицинская академия в моей жизни

16+

2019

Борис Жолус

**Военно-медицинская
академия в моей жизни**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Жолус Б. И.

Военно-медицинская академия в моей жизни / Б. И. Жолус —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-97208-7

В автобиографической книге описаны основные события жизни, научно-практические и творческие аспекты деятельности заслуженного врача РФ, доктора медицинских наук, профессора, полковника медицинской службы в отставке Б.И. Жолуса, прошедшего становление от слушателя до профессора и начальника кафедры академии, и неразрывно связанные со старейшим учебным заведением - Военно-медицинской академией имени С.М. Кирова. В книге изложены уникальные исторические данные о первых в России учебных и научных школах гигиены, интересные факты биографии ученых и врачей академии. Читателю предлагается авторское суждение об изменении имени *alma mater*: она должна носить имя хирурга мирового значения Н.И. Пирогова, а не революционера. Исторической справедливостью автор считает присвоение кафедре общей и военной гигиены имени основоположника военной гигиены в России профессора А.П. Доброславина. Эта книга - благодарность автора своей *alma mater* за мировоззренческую и профессиональную «путевку» в жизнь.

ISBN 978-5-532-97208-7

© Жолус Б. И., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

От автора	5
Часть I. Мой путь	7
Поступить и учиться	7
Адъюнктура. Питиевая вода моряков в плавании	18
Преподаватель	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Борис Жолус

Военно-медицинская академия в моей жизни

От автора

В этом моём труде главной идеей является желание поблагодарить учебное заведение – Военно-медицинскую академию им. С.М. Кирова – Alma mater за то, что академия дала мне для жизни. Это не материальный достаток, он очень скромный на всём протяжении трудового пути, я преклоняюсь перед историей учреждения, его профессорско-преподавательским составом всех времён, что и составляет славу академии, которая, по моему мнению, может быть причислена к национальному достоянию России. Мне хотелось быть услышанным по, казалось бы, банальному вопросу – наименованию этого учебного, научного и практического медицинского учреждения. Для этого мне необходимо обосновать своё право претендовать на такой поступок. В этой связи и приводятся автобиографические данные, которые позволяют выразить предложение к переименованию Военно-медицинской академии. В основе проекта лежат не эмоции или высокопарное звучание, а исторический анализ и сопоставление имени академии с именами медицинских ВУЗов и образовательных учреждений Министерства обороны Российской Федерации.

В стенах академии трудилось немало медицинских учёных с мировым именем, но за всю историю учреждения в наименование его попал человек, не имеющий никакого отношения ни к медицине, ни к самой академии. Более того, эта личность запятнана кровью своих сограждан, которые не были согласны с революционными преобразованиями, несостоятельность многих из коих показала история.

Обращения автора по вопросу переименования к начальнику академии, членам её учёного совета, профессорско-преподавательскому составу, курсантам и слушателям не были опубликованы ни в газете «Военный врач», ни в журналах «Вестник Российской Военно-медицинской академии» и «Военно-медицинском журнале». В рецензии на статью из последнего допущены крайне ошибочные извращённые элементы цитирования выдающегося представителя отечественной медицины Н.И. Пирогова, который мог бы быть принятым в наименовании академии. Всемирно признанный анатом, хирург, организатор военной медицины, а также видный педагог Н.И. Пирогов в течение 15 лет был сотрудником Императорской Медико-Хирургической (с 1881 года Военно-медицинской) Академии. Все его открытия и достижения выполнены в академии.

По пути к основному вопросу, имени академии, затронул и другое – наименование кафедр общей и военной гигиены с курсом военно-морской и радиационной гигиены. Её первым начальником 18 лет (с ноября 1871 года по декабрь 1889 года) был выдающийся учёный, основоположник военной гигиены в России профессор Алексей Петрович Доброславин. Неоднократные попытки автора и его предшественников увековечить имя А.П. Доброславина до настоящего времени не увенчались успехом. Одновременно с этим приведены данные о первых в России учебных и научных школах гигиены.

Автор книги предлагает читателям рассмотреть его суждение об имени Alma mater, помочь в присвоении имени А.П. Доброславина кафедре гигиены академии.

Прошу читателя извинить меня за повторы в тексте. Они объясняются тем, что труд состоит из статей, которые направлялись в различные журналы, а это требовало излагать первичные исторические данные в рассматриваемых вопросах.

Выражаю благодарность за помощь в подготовке и оформлении материалов труда Заслуженному деятелю высшей школы Российской Федерации профессору Игорю Витальевичу Петреву и Заслуженному врачу Российской Федерации Владимиру Николаевичу Реммеру.

Часть I. Мой путь

Поступить и учиться

Поступить в Военно-медицинскую академию! Может ли быть что-либо более значимым для юноши из провинциального украинского городка?

Как был сделан выбор, который определил жизненный путь, судьбу.

Выбор такого решения утвердился задолго до 1964-го года, когда завершилась учеба в средней школе посёлка Купянск-Узловой Харьковской области. Ещё в младшем классе, когда первая учительница Раиса Сергеевна Долгих попросила написать изложение на тему «Кем я хочу стать», на бумаге появилась запись: «военным врачом». Возможно, в какой-то мере этому послужили рассказы мамы, которая поведала, что в десять месяцев от роду у меня ущемилась паховая грыжа, и врачи вынуждены были оперировать. Позднее, уже, когда изучал хирургию, мне стало понятно, почему эта грыжа у меня вышла повторно. В раннем детстве пластику при грыже делают аккуратно щадящим методом и не навсегда, как взрослым, чтобы сохранить у ребенка семенной канатик. Следовательно, после взросления юноша вынужден идти на повторную операцию. Так и было. Хирург Купянск-Узловой железнодорожной больницы Костоглодов Евгений Лукич сделал свое дело, когда мне было 12 лет. Оба хирурга умерли через небольшое время после операций. Возможно, и это утвердило меня в выборе специальности.

Поступать в Военно-медицинскую академию имени С.М. Кирова я решил твердо. С моим другом, сидя за одной партой мы даже высчитывали, когда подойдет по выслуге лет самое высокое в военной медицине звание – генерал-полковник медицинской службы. Мечтая и производя расчёт на бумаге, «закончив» Академию, я все мои будущие звания получал в срок и достиг высшего предела. Мой друг собирался стать военным летчиком, а у них вершина воинского звания – маршал авиации. Вот не помню, стал ли он им (на бумаге) или нет. Лётчиком мой друг не стал, а окончил строительный институт, достиг высокого уровня – главного инженера крупного треста. Но самое главное – мы сохранили нашу дружбу на всю жизнь.

Подготовка к поступлению в академию проходила в самостоятельной работе. В малом городке не было никаких филиалов вузов, чтобы организовать учёбу на подготовительных курсах. В академии, куда прошёл отбор абитуриентов в военкомате, сдавать предстояло 4 экзамена: сочинение на русском языке, устные – химия, физика и английский язык.

Благодарен своим школьным учителям: по русскому языку – Капкану Николаю Ивановичу, по химии – Гриценко Григорию Прокофьевичу, по физике – Данилову Александру Александровичу, по английскому языку – Людмиле Яковлевне Ляшенко.

Сегодня учитель-мужчина в школе редкость. В те же времена их было немало, а их обучающий и воспитательный потенциал, по моему мнению, выше женского.

Особенно памятна «осечка» на вступительном экзамене в академии по английскому языку (1964 год). Работая над собой, имея большое желание знать язык, я покупал и переводил, конечно, адаптированные книги на английском языке. Вечерами в старших классах сидел со словарём и переводил, например, А. Конан Дойля «Собака Баскервильей». Тренировал и английский устный.

На экзамене в академии передо мной отвечал парень, который был победителем олимпиады по английскому языку в Киргизии. Закончив свой ответ, я услышал от одной из экзаменаторов: «March better!», что означало оценку моего ответа – «много лучше», понятно, лучше, чем предшественника, который получил «отлично». Однако вторая экзаменатор не согласилась, в итоге – «хорошо». До этого я набрал 14 баллов: «хорошо» – сочинение и две «отлично» – химия и физика.

По результатам оценки состояния здоровья медицинская комиссия определила мне категорию годности на III факультет – подготовки врачей для ВВС. Набор на этот элитный факультет, по сравнению с другими, был самым малым, порядка 40 человек. Совершенно естественно, проходной балл самый высокий, он оказался равным 19. Не добрав балла на III факультет, уехал домой. При этом на факультет подготовки врачей для ВМФ в 1964-м году проходной балл равнялся 17, и я мог быть принятым, но никто не «перебрасывал» молодежь.

Таким образом, первая попытка оказалась неудачной, я не прошел по конкурсу в Военно-медицинскую академию. Мои же две пятерки и две четверки в справке об экзаменах в Военно-медицинской академии Ленинграда для приемной комиссии Харьковского медицинского института, куда я по настоянию родителей представил справку, ничего не значили. Ещё большее стало, когда узнал, что в этот институт поступили двое ребят из параллельного класса. Горше стало, когда были подведены итоги поступления в ВУЗы обоих выпускных классов моей школы. Не было никакого утешения, один из успешных учеников школы остался «у разбитого корыта». В результате началась трудовая биография с должности слесаря локомотивного депо.

Однако коммунистическое воспитание призывало к силе духа, к стремлению преодолеть временное поражение, двигаться и даже рваться к победе, к достижению поставленной цели.

Обида за непоступление, задетое самолюбие (одноклассники по школе, учившиеся не лучше, поступили в ВУЗы) являлись стимулом к работе над собой. Решение поступать в академию второй раз только укреплялось. Светлым пятном, связью с академией была переписка с поступившим на II факультет Василием Вытрищакон (впоследствии Василий Васильевич стал профессором терапии).

Работа в локомотивном депо явилась школой жизни. Общение с рабочими людьми давало представление об их мире, дружбе, характерах и взаимоотношениях. В этот период появилась оценка заработной платы и цены деньгам. Но все же главное, что постигалось, – это люди.

Второе поступление в академию было не менее трудным. Медицинская комиссия в 1965-м году определила пригодность на IV факультет – подготовки врачей для ВМФ. Набрал 17 баллов, но мандатной комиссией сначала был отклонен к поступлению, а через сутки все же был зачислен 139-м на I курс IV факультета.

Фото 1. Слушатель I курса IV факультета академии Жолус Б. (1965).

Фото 2. Младшие сержанты Н. Рыжман и Б. Жолус перед увольнением (1967).

Возможно, трудности при поступлении в сумме с желанием учиться послужили той базой, которая была стимулом к обучению и усвоению знаний. Интерес виделся во всех учебных дисциплинах, а это приводило к желанию постичь предмет изучения и науку в целом. На младших курсах все время отдавалось учёбе, а суточное количество учебных часов доходило до 17. В результате первая сессия сдана на «отлично» и остальные все до шестой – без четверок.

Фото 3. Жолус Б. на фоне крейсера «Аврора» (1968).

Командование факультета поощряло успевающих курсантов присвоением званий. Первым моим званием стало «младший сержант» – было «перепрыгнуто» звание «старший матрос». Последнее, а также «младший лейтенант» – звания, которые в жизни не пришлось носить. Звания курсантами воспринимались с гордостью, а в кругу однокашников оценивалось положительно, даже почтительно, но при этом отдельными товарищами с завистью. На третьем году учёбы был избран комсоргом курса и ещё 3 раза на следующих курсах переизбирался.

На четвёртом курсе утверждён Ленинским стипендиатом. Добавка к стипендии составляла 5 рублей. Самый интересный эпизод, связанный со стипендиатством, выразился в фотографировании для журнала «Здоровье». На каком-то из занятий на кафедру прибежал дневальный с указанием: «Жолусу прибыть в приёмную начальника академии». Зачем, почему – дневальный не знал. С трепетом прилетел в главное здание, вошёл в приёмную. Здесь и узнал от фотографа, что в числе 4 Ленинских стипендиатов буду сфотографирован для многомиллионного в тираже журнала «Здоровье». На фоне газоанализатора Орса-Фишера (кафедра физиологии подводного плавания и аварийно-спасательного дела) появился портрет, опубликованный ко Дню Советской Армии в 1970 году. Снимок являлся предметом гордости родителей и хранился под стеклом рабочего стола у отца. Но интересным был «отзвук общественности». Значительное время на мое имя поступали письма в академию с предложениями от девушек дружить. К тому времени я был женат.

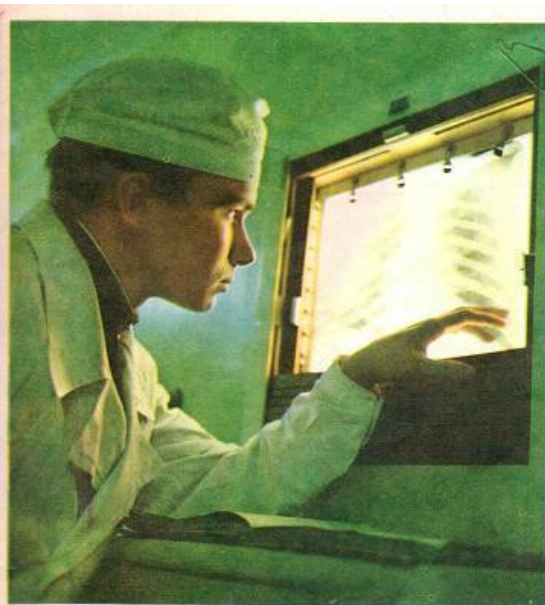

Фото 4. За чтением монографии. Пятый курс (1970).

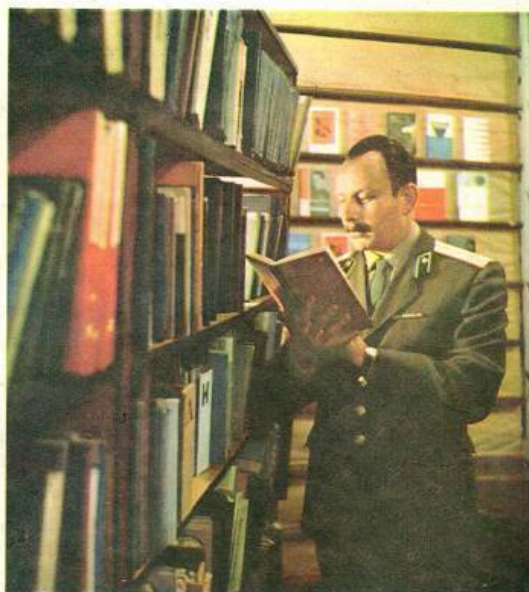
На странице журнала были помещены фотографии четырёх Ленинских стипендиатов. Б.В. Овчинников (II факультет) стал профессором в академии. Л.И. Воронин достиг тех же высот и даже стал академиком (очевидно, космической академии – на его счету были десятки изобретений) в Звездном городке. О судьбе капитана медслужбы А.Т. Яновского ничего не знаю.

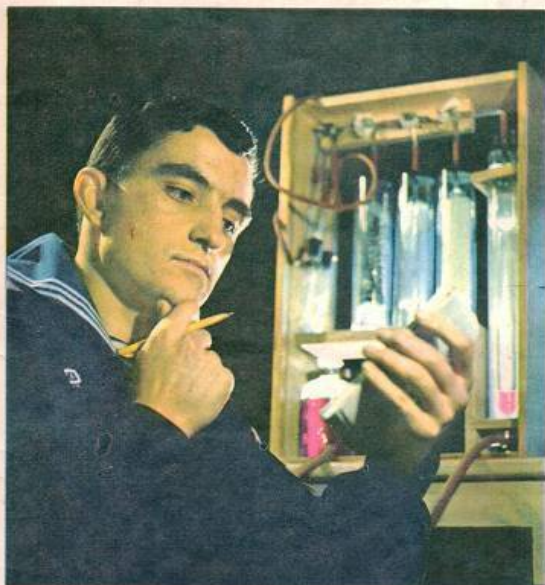
Фото 5. Слушатели академии в год 100-летия В.И. Ленина на фоне главного здания академии (1970).

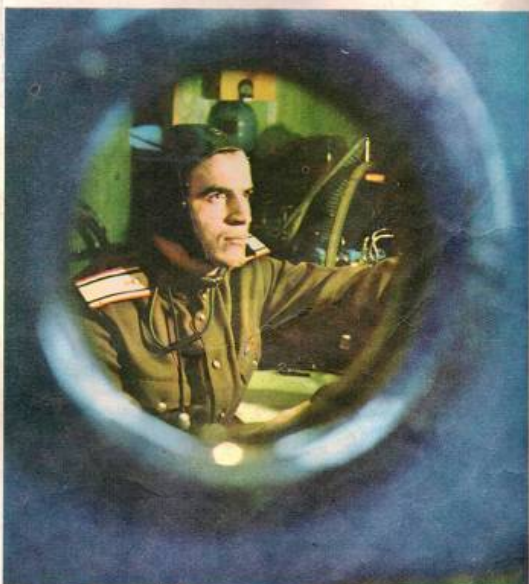
Старший сержант медицинской службы Б. В. Овчинников

Капитан медицинской службы А. Т. Яновский

Старший сержант медицинской службы Б. И. Жолус

Старшина медицинской службы Л. И. Воронин

Ленинские стипендиаты

На снимках, сделанных фотокорреспондентом Вл. Кузьминым, ленинские стипендиаты — слушатели Военно-медицинской ордена Ленина Краснознаменной академии имени С. М. Кирова.

Фото 6. Ленинские стипендиаты академии в юбилейный год (1970).

В те годы слушателями факультетов подготовки врачей были и офицеры со средним военным образованием. Одним из таких офицеров на нашем курсе был старший лейтенант (к выпуску капитан) Лебедь Евгений Иванович – бессменный все 6 лет старшина курса.

Его строевая выправка, выполнение строевых приёмов вызывали восторг. Он окончил Московское общевойсковое командное военное училище имени Верховного Совета, где элементы строевой подготовки шлифовались до блеска. Знание им наизусть со знаками препина-

ния положений общевоинских уставов послужили основанием говорить о нём за глаза «пистолет, в скобках – револьвер». Душевные же качества этого человека одним из первых смог оценить я. Меня приняли в академию и возвратили в Красное Село (летний лагерь академии) практически с поезда. Представил ему меня мой друг, отыскавший меня на вокзале Валерий Жерновой. Первое, о чём спросил Е.И. Лебедь, не голоден ли я. Тогда же от него я узнал и запомнил, что даже не числящийся на котловом довольствии один солдат не объест военно-служащих, если еда готовится для ста человек.

При хороших организаторских способностях Е.И. Лебедь, после увольнения из Вооружённых Сил, возглавил в Москве первую поликлинику РАН, принимал на работу отслуживших однокашников-специалистов, осевших в Москве и Подмосковье. Получилось так, что и меня он принял на работу заместителем по санитарно-гигиеническим вопросам. Евгений Иванович ушёл из жизни в 2017 году, мне пришлось организовывать почётный караул, вести траурный митинг.

Итог моего обучения в академии (44 экзамена): «отлично» – 40, «хорошо» – 4. Все выпускные государственные экзамены были сданы на «отлично» и в результате – красный диплом. На государственном экзамене по терапии начальник кафедры военно-морской терапии генерал-майор медслужбы профессор Сененко Александр Николаевич поставил «отлично с отличием». Зная после распределения свою предстоящую должность – врач-токсиколог ядерного полигона Новая Земля, я подошел к А.Н. Сененко на выпускном вечере с вопросом: «А могу ли я с этой должности поступать в адъюнктуру на кафедру ВМГТ?». Получил «добро». На нашем выпускном вечере присутствовал и генерал-лейтенант медицинской службы академик АМН СССР Герой Социалистического Труда Владимир Игнатьевич Воячек (1876-1971), вскоре он ушёл из жизни.

В.И. Воячек иногда приходил в учебный класс клиники ЛОР и делился своими воспоминаниями. Запомнился его рассказ, когда в Первую мировую войну он, находясь в Европе, оказался отрезанным от России воюющей Германией и добирался в Санкт-Петербург через Балканы. И ещё, Б. Муссолини пригласил его лечить ему болезнь уха. В.И. Воячек обратился в соответствующие органы за разрешением на поездку, но ему ответили: «Пусть Муссолини приезжает к нам».

Эта личность интересна ещё и высшим уровнем интеллигентности. Рассказывали старшие товарищи, что когда В.И. Воячек исполнял обязанности начальника академии, ему приходилось отдавать команды. Говорили, что он отступал от принятых уставных фраз и обращался: «Академия, пожалуйста, равняйся. Академия, пожалуйста, смирно! Оркестр, играй, что надо!».

Поездка в Кремль на встречу выпускников военных академий с руководством государства – памятная веха в жизни каждого офицера. Специальный состав из Ленинграда вез туда и обратно в купейных вагонах наиболее отличившихся в учёбе выпускников ВВУЗов. Форма одежды – парадная вне строя, то есть без кортиков. В Кремле не для всех участников хватило места в Георгиевском зале, часть разместили для фуршета в Святых Сениях.

Старшими от каждой академии были генералы или полковники профессора – начальники кафедр. За длинным столом в Георгиевском зале мы соседствовали с выпускниками академии тыла и транспорта. Имеющий опыт присутствия на этом мероприятии начальник политотдела ВМедА генерал-майор С.С. Рязанов приказал мне быть «пограничником» – стоять рядом с офицерами академии тыла и транспорта и не сдвигаться в нашу сторону от натиска соседей после приёма горячительного. Устоял.

Фото 7. Выпускники академии на традиционном приёме в Кремле (1971).

В 1971-м году встреча выпускников с руководством страны была омрачена гибелью космонавтов Г. Добровольского, В. Пацаева и В. Волкова. По этой причине Л.И. Брежнев не был на мероприятии, а представлял министр обороны СССР маршал Советского Союза А.А. Гречко.

После поздравлений и ответного слова одного из выпускников академии, первых тостов наступило потепление обстановки, маршалы и генералы пошли к столам поздравлять своих профильных подопечных. Первым к нашему столу подошёл главный маршал авиации П.С. Кутахов, что подтверждало уважительное отношение к медицине лётчиков и ВВС в целом. Были и другие индивидуальные поздравления, мы же стремились получить на бланках приглашений автографы видных военачальников. Потом на память и сами расписались друг у друга.

По окончании мероприятия в автобусе, который вез нас на обед в дом отдыха на Клязьминском водохранилище, мой однокашник Пётр Прохожий рассказывал о событиях в Святых Сениях.

Министр обороны, дабы не обидеть товарищей, оказавшихся в Сениях, пошёл их поздравить, за ним следовал официант с подносом, на котором стояли фужеры с коньяком. Министр подошел к столу и спросил, кто здесь стоит. Ему ответили, что здесь стоят медики. Участник Великой Отечественной войны А.А. Гречко в своём поздравлении напомнил о 82% раненых воинах, возвращённых в строй медиками. И заявил: «С медиками пью водку». На подносе водки не оказалось. Старший за столом генерал-майор медицинской службы перед началом торжества попросил офицеров поставить бутылки с коньяком на его стол как раз на случай индивидуальных угощений. А оставленная на столах водка быстро разошлась. Возникла пауза: министр держит в руке пустой бокал, а водки ему не наливают. Вот тут-то записливый белорус лейтенант медицинской службы П. Прохожий подошёл к министру и налил припасенную им водку из своего в его бокал. Министр посмотрел на «мальчика» в чёрном костюме, который его сопровождал, тот кивнул разрешающе головой. «За нашу доблестную медицину...». Выпили.

Оторопевшие старшие стола генерал и профессор-полковник медицинской службы вскоре успокоились. Генерал заметил полковнику, что из стоящего на столе бокала пил сам министр обороны. Тут же этот фужер попал во внутренний карман полковника.

Мы сидим в автобусе, где Пётр Прохожий рассказал мне эту историю. А в конце своей речи спрашивает: «А что ты унес из Кремля?». Я вез жене огромную польскую красную гвоздику со стола. «А я увёл вилку со штампом «ДС» – дворец съездов» – сказал Петр.

До посадки в автобус нас провели вдоль Кремлевской стены – колумбария. За оградкой у доски Ю.А. Гагарина стояла женщина, её никто не беспокоил. На фоне огромного количества свежих венков вдоль Кремлевской стены после захоронения космонавтов она стояла и взывала: «Юрочка! Солнце небесное! Люди, берегите мир, берегите космонавтов».

На Клязьминском водохранилище в доме отдыха нас ждал обед. Праздник продолжался. Здесь отдыхали спортсмены – баскетболисты, видимо, команда ЦСКА. А на наших приглашенных билетах в Кремль появился автограф Ирины Родниной, которая оказалась здесь же.

Возвращались в Ленинград в тех же купе, сна не было, было общение перед предстоящим отъездом на службу, сопровождавшееся умеренной ликвидацией оставшегося от обеда «Бахуса». Утром дома нас ждали жёны и дети. Общение с однокурсниками было последним перед годами самостоятельной службы. В выпускном альбоме значилась первая дата встречи: 1976-й год, через 5 лет.

В детстве жизненный успех, достижение чего-то важного, мной связывалось только с хорошей учебой, знаниями. Бабушке Марии я обещал из Ленинской премии, которую планировал получить за научное открытие, дать денег на деревянный пол. В её домике полы были глиняными, и еженедельно она их выравнивала и подчищала мокрой тряпкой, ползая на коленках. В то время я жил в стране, где «все равны», и у каждого есть возможность быть лучшим, достигать высот в своей профессии, в любом деле.

Много позже, когда я уже был профессором, а бабушка давно умерла, так и не пожив на деревянном полу, мне стало понятным, что далеко не всегда отличная учеба или эрудиция, профессионализм являются главными критериями оценки человека и не обязательно делают его успешным.

Ленинскую стипендию я таки получил, но это была всего лишь стипендия, а не премия. Её размер составлял 100 рублей в месяц минус подоходный налог. Мои однокурсники получали обычную стипендию – 95 рублей в месяц. Видимо, общесоюзная ленинская стипендия в указанном размере присуждалась и студентам гражданских вузов, обычная стипендия которых составляла 30-40 рублей в месяц. Для них «Ленинка» была значительным подспорьем в жизни, а для слушателя академии она была высоким званием.

После окончания академии мне предстояло 3 года служить врачом-токсикологом на ядерном полигоне Новая Земля и 2 года командиром взвода – преподавателем специальных (медицинских) дисциплин в учебной роте санитарных инструкторов при 35-м военно-морском госпитале им. Н.А. Семашко в Кронштадте. Мечта вернуться в академию не оставляла. Судьба повернула в сторону военно-морской и радиационной гигиены, в адъюнктуру кафедры с таким названием в 1976 году я подал документы. Предстояло в третий раз поступать в Военно-медицинскую академию.

Адъюнктура. Питьева вода моряков в плавании

Поступление на кафедру военно-морской и радиационной гигиены совпало с моментом смены её руководства. Пост начальника профессор Н.Н. Алфимов передавал профессору Виктору Георгиевичу Чвырёву, который до этого был заместителем начальника кафедры общей и военной гигиены академии. Его «возвращение в моряки», а он заканчивал Военно-морскую медицинскую академию в 1947-м году, в кругу преподавателей с иронией отмечалось как «дважды моряк Советского Союза». Я оказался его первым адъюнктом, а наше общение и даже взаимодействие с 1976-го года происходит и сегодня, когда моему руководителю 93 года.

Адъюнктская подготовка в академии в 70-е годы была поставлена на высокий уровень. Будущие учёные и преподаватели осваивали не только азбуку научных исследований и её методологию, но и математический анализ полученных результатов, правила библиографического описания литературных источников, педагогику и психологию, философию, иностранный язык.

Вся подготовка оформлялась планом на 3 года, осуществлялся контроль его выполнения, адъюнкт периодически отчитывался на кафедральном заседании о ходе своей работы. Одним из разделов плана была педагогическая практика, фактически с первого года адъюнктуры приходилось самостоятельно вести практические занятия, а на лекциях профессора или доцента ассистировать. Школу адъюнктуры можно оценить как кладёз научной, педагогической, да и служебной подготовки.

Научная работа адъюнкта официально начинается с утверждения темы диссертации и научного руководителя на Учёном совете академии. Тему же задаёт кафедра, а научным руководителем чаще всего становится её начальник. На кафедральном заседании было решено включить меня в исполнители НИР (научно-исследовательской работы) по проблеме водоснабжения кораблей ВМФ при использовании полученной на борту опреснённой морской воды (дистиллята). Ответственным исполнителем этой темы являлся полковник медслужбы профессор Яговой Пётр Назарович. Он считался на кафедре лучшим специалистом в области гигиены водоснабжения.

Яговой Пётр Назарович (1926-1999) – старший преподаватель кафедры ВМРГ, но он, в отсутствие в штате должности заместителя начальника, им признавался. Пётр Назарович участвовал в Сталинградской битве, где был ранен. Его доброкачественная докторская диссертация «Гигиенические последствия глобальных ядерных выпадений» была выполнена на пике испытаний ядерного оружия во всех средах всеми имеющими его странами. В ходе исследования у него родилась гипотеза о происхождении рака. Он пытался предложить свои взгляды научной общественности, но это не удавалось. Тогда он обратился с письмом к Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу. Как было принято в те времена, письмо возвратилось начальнику ВМедА им. С.М. Кирова, который вызвал П.Н. Ягового и выразил ему недовольство: «Научные проблемы нужно решать в научных кругах». Вскоре П.Н. Яговой был уволен с воинской службы по возрасту.

Однажды мы с ним шли в научную организацию, которая разрабатывала для морских судов технические средства систем водоснабжения. Учреждение находилось на Малой Садовой улице вблизи Невского проспекта. В беседе Пётр Назарович сказал, что он знает причину рака. Мы проходили недалеко от памятника Екатерине Второй у Пушкинского театра. Я не без нахальства и ехидства предложил заменить им императрицу на постаменте и в золоте. Он же поправил себя, что точнее было бы сказать, ему известно, как сохранить сотни тысяч жизней людей, умирающих от рака.

По его гипотезе, радиоактивный К40, имеющийся во многих продуктах питания, облучает ядро клеток организма, что приводит к их перерождению и возникновению раковых опу-

холей. По его мнению, лучше всего выводит К40 из организма человека алкоголь. В качестве примера он привёл данные о том, что у французских женщин не бывает случаев рака желудка.

Поскольку адъюнкт никогда не общался с француженками, был задан вопрос: «А сколько они выпивают?». Пётр Назарович сказал, что они пьют вино, но в переводе на водку это составляет примерно объём бутылки 0,5 л в неделю. Тот же нахальный адъюнкт спросил: «А как эту бутылку выпивать – делить на 7 дней или употребить в субботу?». Посмеялись и пришли в нужное учреждение.

В период экспериментальных исследований на белых крысах адъюнкт обязан был представлять на контроль руководству кафедры не только результаты исследований, но и информировать о постановке эксперимента. Пётр Назарович изъявил желание посмотреть организацию работы адъюнкта в виварии. Он так заинтересовался работой с животными, что попросил заказать для него партию молодых крысят. Снабжение ими академии происходило из питомника животных в Рапполово, проблем с получением не было. Профессор стал поить крыс водой с добавлением хлористого калия и через время продемонстрировал мне раковые опухоли кишечника умерших животных.

Фото 8. Адъюнкт кафедры военно-морской и радиационной гигиены капитан медицинской службы Жолус Б.И. проводит исследования (1976).

Следует отметить, что белые лабораторные крысы являются наиболее подходящим объектом при исследовании влияния на организм животных питьевой воды. Мочевыделительная функция крыс в наибольшей степени, по сравнению с лабораторными животными, аналогична человеческой: концентрационная способность почек – 20 г/л солей в литре мочи, как у человека. В серии трехмесячных экспериментов исследовалось влияние четырёх видов питьевой воды на рост белых мышей. В качестве контрольной воды выступала ленинградская водопроводная вода, опытными были чистый дистиллят, полученный из морской воды Баренцева моря в опреснителе атомной подводной лодки (шифр воды ОМВ – опреснённая морская вода), на этом дистилляте готовились ещё две экспериментальные воды: ОМВ + МВ – опреснённая морская вода с добавлением исходной морской в пропорции 1000:3 л, а также ОМВ + НС – дистиллят с добавлением набора солей по Эльпинеру в половинном количестве.

Московский учёный-гигиенист профессор Л.И. Эльпинер предложил для судов Министерства морского флота и Министерства рыбного хозяйства СССР, использующих для питьевых нужд дистиллят, минерализовать его набором солей, моделирующих московскую водопроводную воду. При этом были разработаны технические средства – минерализаторы – автоматически дозирующие растворы солей в дистиллят. Наборы солей в пакетах закупались и доставлялись на суда перед плаванием.

Для кораблей ВМФ дополнительные технические средства водоснабжения, необходимость приобретать и использовать наборы солей в плавании могли создавать дополнительные трудности эксплуатации. В связи с этим адъюнкту кафедры ВМРГ было поручено провести сравнительное исследование биологического действия опреснённой морской воды, минерализованной исходной водой океанов и солевыми добавками.

Известны лечебные свойства морской воды при купании, полоскании полости рта. Поиск литературы об использовании морской воды в питьевых целях привел к ряду интересных и полезных находок в научных статьях.

По данным экспертов Всемирной организации здравоохранения, в статье «Опасность потребления морской воды» (1965) морская вода не может использоваться для питья по трём причинам.

Во-первых, концентрация солей в морской воде океанов составляет 35‰ (35 г/л). Поскольку концентрационная способность почек человека равна 20 г/л, то на 1 л выпитой морской воды океанов для выведения содержащихся в ней солей кроме этого же литра потребуется ещё 750 мл внутренней воды организма, то есть тем самым обезвоживание и жажда усугубляются.

Во-вторых, морская вода содержит большое количество сульфатов натрия и магния, которые являются выраженными солевыми слабительными. Вызывая понос, эти соли приводят к обезвоживанию организма.

В-третьих, 80 химических элементов, находящихся в морской воде, приводят при её употреблении к галлюциногенному эффекту.

На этом фоне предстояло решить вопрос: можно ли всё же использовать исходную морскую воду как добавку к дистилляту, получаемому в опреснителях кораблей для минерализации «нездоровой» опреснённой воды.

В 70-е годы прошлого века в Советском Союзе проводились фундаментальные исследования биологического действия дистиллированной воды. В Москве в Научно-исследовательском институте коммунальной гигиены им. А.Н. Сысина была создана лаборатория гигиены опреснённых вод. Её возглавил молодой учёный кандидат медицинских наук Юрий Анатольевич Рахманин. В последующем этот институт под новым названием НИИ гигиены окружающей среды и экологии человека им. А.Н. Сысина возглавлял академик РАМН Ю.А. Рахманин.

Командировки в НИИ, ознакомление с работой лаборатории, изучение отчётов о полученных результатах исследований послужили хорошей базой для проведения собственных научных изысканий.

Базовая вода, полученная в опреснительной установке атомной подводной лодки «Золотая рыбка» в Западной Лице Мурманской области, собственноручно была доставлена в Ленинград для экспериментальных исследований на белых крысах. Три стеклянных 20-литровых бутылки адъютант вёз в общественном транспорте и поезде. Окружающие не верили, что капитан медицинской службы везет просто воду.

На кафедре ВМРГ хранилась натуральная морская вода всех океанов, привезённая из океанографических экспедиций сотрудниками кафедр.

Фактически можно было приступить к эксперименту. Но необходимо было определиться с пропорцией смешивания опреснённой и морской воды. Сколько минимально необходимо и максимально возможно добавлять морской воды океанов к дистилляту, чтобы ни один из 80 химических элементов первой не превысил предельно допустимую концентрацию для питьевой воды.

Расчёт и анализ показал, что из всех растворённых ионов лимитирующими являются бор и бром морской воды. Для бора критическим органом в токсикологическом плане являются яички, для молодых людей (матросов и офицеров) недопустимо превысить ПДК. Бром тормозит активность нервной системы, что также при превышении ПДК в питьевой воде может не только вредить организму, но и снижать функциональные возможности корабельных специалистов, особенно операторского профиля.

На основании этих расчётов допустимой пропорцией дистиллята и морской воды является 1000:3, то есть на тонну дистиллята добавляется 3 литра морской воды. При этом, если принять дистиллят как абсолютно обессоленную воду, в результате смешивания получается питьевая вода с содержанием 105 мг/л. В лаборатории гигиены опреснённых вод такую воду оценивали как допустимую для питьевых нужд. Предстояло провести собственные эксперименты на животных.

Оценка качества питьевой воды, создаваемой на основе корабельного дистиллята, должна пройти её апробацию собственно потребителем. Четыре воды, используемые в эксперименте на животных, широко представлялись на закрытую дегустацию различным категориям военнослужащих: курсантам, проходившим обучение на кафедре, слушателям академических курсов и факультета усовершенствования, преподавателям. Нужно было водам под присвоенными им номерами дать оценку по запаху и вкусу. Другие органолептические показатели – прозрачность и цветность, всегда соответствовали гигиеническим требованиям. В этих дегустациях желательно было получить положительный отзыв о воде, которая приготовлена на основе дистиллята с добавлением морской. Исследования давали положительные результаты без ущерба для изобретенной воды.

На основе полученных данных к конференции молодых учёных академии были подготовлены тезисы в сборник.¹ Трудно вспомнить, почему я оказался в кабинете заместителя начальника академии по учебной и научной работе профессора генерал-лейтенанта медицинской службы Валентина Алексеевича Долинина. Можно себе представить с удивлением и восторгом, что человек такого высокого должностного уровня занимался экспертизой тезисов адъютантов! Ко мне он ласково придрался (он был высокоинтеллигентным, добрым, говорил тихо и медленно) по поводу слов в названии тезисов – «модельных вод». Пришлось объяснить, как проводилось приготовление этих вод, это, видимо, устроило Валентина Алексеевича. А далее он стал рассказывать о своём детстве, проведенном в Таганроге, где он дружил, гонял голу-

---

¹ Опыт органолептической оценки модельных вод различной минерализации // Материалы 4-й науч. конф. молодых ученых акад. – Л., 1977.

бей и бегал по улицам с Аркадием Гайдаром. От В.А. Долинина исходила душевная теплота и ненавязчивое покровительство над молодым учёным.

Исследование качества опытных вод, по мнению научного руководителя, поддержанное коллективом кафедры на моём заслушивании после года обучения в адъюнктуре получило положительную оценку. Было принято решение провести изучение и в натуральных условиях – на корабле. Решено было направить меня в командировку на надводный корабль, несущий боевую службу в Средиземном море. Началась подготовка к научной экспедиции. В программу исследований был включён и пункт по микробиологическому анализу корабельного дистиллята. Для его выполнения требовался термостат. На медицинском складе академии оказались «портативные» – ТК-37, объёмом с малый холодильник. Портативный он для установки в автомобильной технике, а транспортировка до Севастополя, откуда планировался выход в море, получение и погрузка на корабль, обратный его путь представляли значительную трудность, которые не испугали адъюнкта.

Фото 9. Перед экспедицией в Средиземное море подполковник медицинской службы Петров Ю.Н. и капитан медицинской службы Жолус Б.И. проверяют готовность лабораторного оборудования к транспортировке (1977).

Перевозка термостата, «зашитого» в деревянную обрешётку собственноручно, оказалась еще более многотрудной. Эту «штуку», как называли его помогавшие с погрузо-разгрузочными делами матросы, пришлось загружать сначала на теплоход «Кубань», идущий в Средиземное море со сменным экипажем дизельной подводной лодки, отдохнувшим в Севастополе (внутрипоходный отдых), с «Кубани» перегружался на баркас уже в Средиземном море, а с баркаса – на большой противолодочный корабль Северного Флота «Адмирал Зозуля». На

последнем этапе при перегрузке на корабль обрешётка была сломана, но термостат не утонул, а заработал, как полагается.

На «Кубани» мы расстались с подполковником медслужбы Петровым Юрием Николаевичем – старшим научным сотрудником кафедры ВМРГ, который в Средиземном море должен был пересечь на водоналивное судно. Тема НИР предполагала исследование всех сторон гигиены водоснабжения кораблей ВМФ питьевой водой в плавании.

Большой противолодочный корабль «Адмирал Зозуля» (проект 1134) – двухсотметровый красавец, названный американцами «поющий фрегат». Скорость хода по спецификации корабля – 40 миль в час (одна морская миля – 1856 м). На корабле имелось несколько цистерн запаса питьевой воды (более 100 тонн), которая доставлялась периодически водоналивным судном. Вода за валюту покупалась в иностранных портах: греческих Пирей и Ираклион, сирийских Латакия и Тартус.

Вода из цистерн анализировалась в динамике хранения. Если её химический состав не изменялся, то микробиология показала интересные данные. Кишечной палочки при анализах не находил, а вот с общим микробным числом (сапрофитная микрофлора) происходил синусоидальный процесс: рост и падение. В одном анализе количество бактерий, росших на МПА (мясопептонном агар-агаре), было огромным, а на следующий день эта вода была с ничтожным ростом. Такие результаты повторялись многократно. Все факторы, мешающие стерильности отбора проб и посева на чашку Петри, мной старательно исключались. Объяснение полученного факта мной давалось следующее: пока в воде есть питательная среда – белок, в том числе самих отмирающих бактерий, шёл их рост. Если же заканчивалась пища – рост прекращался. Однако выжившие микробы после появления белкового корма давали бурный рост. Эту гипотезу до сих пор вынашиваю без опровержения.

Анализ заборной воды Средиземного моря показывал большой рост всякой, включая кишечную палочку, микрофлоры. Чрезвычайно красивая сине-зеленая морская вода, особенно в тени от борта корабля, везде и всюду в микробиологическом плане давала ужасающую картину. Химический состав средиземноморской воды по своей солености даже превышал уровень атлантической – 35 г/л.

Органолептическая оценка изучаемых питьевых вод на корабле была проведена в достаточном объёме, получены положительные результаты.

В этом походе состоялся заход корабля с дружеским визитом в сирийский порт Тартус, где в пункте материально-технического обеспечения кораблей средиземноморской эскадры находился санитарно-эпидемиологический отряд (СЭО) от Черноморского Флота. На небольшом судне без собственного хода (плавающий склад) находились врачи морского СЭО, а с ними врач-стоматолог капитан медицинской службы Анатолий Лялюцкий, который лечил мои зубы на Новой Земле. Встреча была очень тёплой, однако пить спирт в 30-градусную жару можно только в 30-летнем возрасте. После беседы и обеда мы купались в море, но вода с температурой 29 градусов не освежает. В заливе на дне много морских ежей, наступать на них колко, а впившиеся органические ломкие иголки извлекать очень трудно. Выданные на сход на берег сирийские фунты были скоро истрачены на подарки жене и сыну.

К окончанию командировки флагманский врач эскадры писал отзыв о работе прикомандированного адъютанта. Ещё более значимым был документ, составлявшийся до командировки в академию: «Список лиц, командируемых за границу». В строго заведенной форме документа на развёрнутом листе формата А-4 с различными графами красовалась единственная фамилия какого-то капитана медслужбы, но подпись внизу документа была генерал-полковника медицинской службы – начальника академии Н.Г. Иванова. Таким образом, удостоверялась моя благонадежность, подтверждался мой патриотизм для всех органов и служб, которые смели сомневаться в моём возвращении на Родину. В те времена продолжали бояться побегов людей (особенно военных) на Запад.

В этом походе познакомился с тремя учёными из московского научно-исследовательского института ГЕОХИ (Геохимии и аналитической химии институт им. В.И. Вернадского Российской академии наук, основан в 1947 году).

Фото 10. Средиземное море. В коллективе учёных (1978).

Оказывается, маршрут американской подводной лодки можно определять не только традиционным способом по шумам от винтов, но и по изменившемуся химическому составу морской воды, в которой шла субмарина. Детали этих исследований не могли быть мне известны, но принцип запомнился. С этими учёными я возвращался в Союз после выполнения работы на корабле.

Одним из интересных эпизодов на БПК «Адмирал Зозуля», происходившим не чаще одного раза в неделю, было зажаривание в стерилизаторе курицы (культурная программа). Начмед корабля дружил с начпродом, происхождение курицы было понятным, а у начмеда для мероприятия устойчиво находилась рюмка с «шилом». Морякам второе более распространенное название спирта хорошо известно, оно больше ласкает слух. Происхождение же синонима, вероятно, уходит в далёкое прошлое и связано со способностью обычного шила всё прокалывать. За эту его способность решать многочисленные проблемы на флоте спирт получил второе имя.

Ещё более интересным оказался второй поход в Средиземное море на следующий 1978 год. В плане науки исследовалась сравнимость результатов, т.е. полученных и «обмозгованных» данных предыдущего исследования, предусматривалось воспроизвести (повторить) и сделать уже неопровержимые заключения и выводы.

Выход из Севастополя был более лёгким и красивым. БПК «Очаков» (проект 1144) – более современный корабль Черноморского флота – под звуки духового оркестра «Прощание славянки» на виду у плачущих жен членов экипажа корабля уходил от причала на свои 6 месяцев плавания. Американцы несли боевую службу по-другому, легче, а о нашей советской говорили: «Боевая служба – тяжёлая вещь, но русские сделали её невыносимой».

Уже в третий раз проходил Босфор, Дарданеллы. В Эгейском море традиционно сопровождали корабль дельфины. Всякий проход через Босфор советский корабль сопровождал, перебегая от одного борта к другому, быстроходный катер под турецким флагом. Служивые офицеры говорили, что это американцы нас фотографируют, а их начальство, там – в Америке, уже знает, кто идёт в Средиземное море.

Научная работа на корабле шла полным ходом. «Лабораторию» развернул в санчасти БПК. На этот раз термостат ТК-37 не понадобился. С Ю.Н. Петровым изобрели и защитили рационализаторским предложением термостат поистине портативный малого объёма (с коробку 40х30х30 см), регулируемый термореле в диапазоне температур 35-37° С. Он работал от нагрева электрической лампочки. Интересным оказался один из бытовых фактов. Всякий раз оставленную на столе в санчасти у спиртовки коробку спичек на следующий день я не находил. Спички на корабле были у курильщиков дефицитом. В этой связи родилось продолжение пословицы: «На спичках не экономят, но спички экономить надо».

На корабле находился вертолёт, познакомился с экипажем, а с командиром группы майором Александром Цицеровым проводил свободное время. С ним в сирийском порту Латакия, где мы были с дружественным визитом, ходили в колонию его знакомых вертолётчиков. Наши специалисты обучали сирийцев этому делу. Вертолётчики удивлялись, когда по заданию их командир вертолёта не набирал нужную высоту. На вопрос: «Почему?» – сириец отвечал: «Вертолёт устал». Видимо, они боялись, что на большой высоте их могут засечь и сбить израильтяне.

Другой же пример из отношения к военной технике приводил военно-морской специалист из военной приёмки кораблей. Продали сирийцам быстроходные торпедные катера. Через время новые хозяева кораблей обращаются с рекламацией: «Катер не набирает указанную в спецификации скорость 35 узлов». Наш специалист, прибывший к месту дислокации кораблей, попросил поднять катер. Все днище обросло водорослями и ракушкой, удалять пришлось долго и с трудом. После этого вышли в море, и наш специалист выдал скорость больше 40 узлов. «За техникой нужно ухаживать, как и за женщиной» – был его вердикт.

На берегу в базе у кромки воды стоит один из катеров. Это не специальный памятник, а память об испуге сирийского командира катера, вылетевшего на берег при виде израильских кораблей.

Изучение источников литературы, контакт с учёными и специалистами кафедры академии и различных организаций, собственный научный поиск приводит к формированию специалиста и исследователя. В основе этого лежат знания и опыт, а в целом этот процесс именуется «научной школой».

Однажды начальник кафедры ВМРГ профессор В.Г. Чвырёв взял меня с собой на совещание в крупную научно-производственную организацию (бюро) по проектированию атомных подводных лодок. Через КПП с охраной по заранее заказанным пропускам прошли в здание сталинского архитектурного стиля. В коридоре, по которому шли в зал заседания, висели портреты местных учёных-конструкторов лауреатов Ленинской премии и Героев Социалистического Труда. Портретов было так много, что это вызвало чрезвычайно почтительное отношение к организации.

Смиренно, но уже и с элементами уважения к себе за «выход в люди», сидел адъюнкт кафедры ВМРГ за круглым столом в большой компании специалистов преимущественно инженерного профиля. Совещание было посвящено разработке ведомственного (для кораблестроительной промышленности СССР) стандарта на систему водоснабжения. В ходе дискуссии затронули и вопрос качества питьевой воды. И эти маститые учёные мужи уперлись в вопрос: «А что такое – пресная вода, и какая разница между ней и питьевой водой?».

И вот в этом месте пришлось «блистать» адъюнкту (об этом никто не знал и воинского звания моего не было видно, т.к. с шефом были в пиджаках). Это был третий год адъюнк-

туры, накопленных знаний по гигиене водоснабжения хватало для ответа на кажущийся простым вопрос. По общепринятой классификации к пресным водам относятся те, минерализация которых менее 1 г/л. Что же касается питьевой – то на неё был ГОСТ, который определял требования к её качеству по органолептическим, физико-химическим и микробиологическим показателям. Помню довольное выражение лица шефа за данные мною правильные определения пресной и питьевой водам.

Диссертационная работа вырисовывалась, но, естественно, не с первого печатного текста. Кроме шефа её внимательно и очень критично вычитывал кандидат медицинских наук Ю.Н. Петров, сам называвший себя «стрекулистом», т.е. занудой. Материалы исследований в первичном виде были отданы профессору П.Н. Яговому, который на их основе создавал отчёт о НИР. Пётр Назарович сам доводил данные и текст до нужных форм, замечаний не делал.

Венцом всей адъюнктуры было прохождение ритуала сдачи диссертации в Учёный совет академии. Но до этого нужно было предъявить труд в научно-исследовательский отдел (НИО). Начальник НИО – полковник медслужбы профессор Чурсин Иван Георгиевич – чрезвычайно спокойный, высокоинтеллигентный человек с большим жизненным опытом и безо всякого чванства. Бегло, но со вниманием к труду и с уважением к автору, просмотрел переплетённую работу, похвалил за досрочное представление, однако нашёл и указал на ошибку (опечатка в нумерации раздела «предложения и рекомендации»). Несмотря на свою огромную занятость, Иван Георгиевич провёл беседу-экспертизу уважительно и заинтересованно и отпустил с пожеланием успешной защиты. Такие люди всегда вызывают уважение.

Как известно, адъюнктура готовит научно-педагогические кадры. Большая часть выпускников остаётся работать на собственной или другой кафедре, некоторая часть направляется в научно-исследовательские учреждения, подразделения академии, в военно-медицинские институты, факультеты. Считается, что оставленный на кафедре адъюнкт заслужил доверие коллектива и получил карт-бланш на долгую продуктивную перспективу.

Фото 11. Коллектив кафедры ВМРГ (1980). В центре – начальник кафедры полковник медицинской службы профессор В.Г. Чвырёв.

Моё распределение после адъюнктуры было удачным: на кафедре образовалась вакансия преподавателя, начальник и коллектив не возражали против такого сотрудника, диссертация выполнена и сдана в Учёный совет досрочно. Мой предшественник по адъюнктуре (Ш-й Ю.К.) не успел завершить диссертационный труд, и это послужило основанием для направления его «на усиление» профильной кафедры Нижегородского (Горьковского) военно-медицинского факультета – впоследствии он стал принадлежать Федеральной пограничной службе. Диссертация предшественником была защищена через несколько лет после окончания адъюнктуры.

Важным событием, идущим в связке с окончанием адъюнктуры, являлась постановка в очередь для получения квартиры. Те офицеры, которые выполнили план адъюнктской подготовки и планировались к оставлению на кафедрах академии, имели право подавать рапорт на жилье ещё до приказа о назначении в постоянный состав. Это означало, что если в адъюнктуре выпускалось в год 25 человек, то время подачи рапорта играло значительную роль в очереди на квартиру. Все это понимали и старались быстрее завершать все формальные дела, чтобы в первых рядах стать в очередь жилищной комиссии академии.

В 80-е годы в Ленинграде военнослужащим выделялось большое количество квартир. Велось грандиозное жилищное строительство, а основными районами массовой застройки являлись районы Гражданки и Ржевки-Пороховых. Многие очередники получали жилье в течение года. Конечно, выбора у новоселов особого не было, но быстро получить в Ленинграде квартиру считалось счастьем. С момента горбачевской перестройки проблема жилья для военнослужащих только ухудшалась и достигла к концу XX века катастрофического уровня.

Моя первая в жизни собственная двухкомнатная квартира на Пороховых была получена через год после адъюнктуры. Конечно, это было счастьем для всей семьи. Мы покидали академическое общежитие на Литейном проспекте, дом 26, где проживали, когда я был слушателем и преподавателем. Из памяти не уходит коридор на 17 комнат (54 жилья, включая детей), одна кухня на всех, отсутствие горячей воды, убогий туалет и т.д. Почтальоны называли объединённое общежитие двух академий (еще и артиллерийской) «дурдомом» не только за почти 600 комнат и за неразбериху в их нумерации, а также отсутствие лифта.

Новостройки 80-х годов – это недоделанные квартиры, иногда без унитаза, грязные с неубранным строительным мусором дворы (о детских площадках строители и не помышляли), проблемы с городским транспортом. Но советский человек все равно был счастлив собственной квартире.

Преподаватель

Высокое звание «преподаватель Военно-медицинской академии» я получил в сентябре 1979 года.

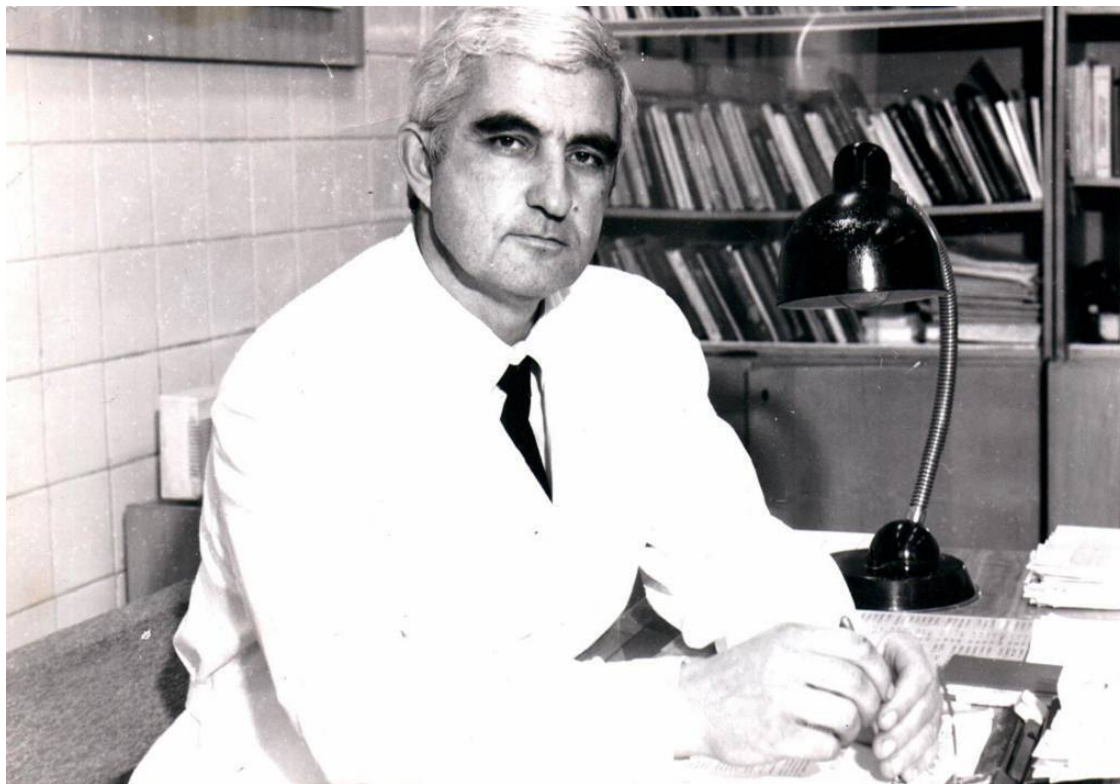

Фото 12. Преподаватель кафедры ВМРГ подполковник медицинской службы Жолус Б.И. (1981).

За время адъюнктуры мною было освоено преподавание военно-морской гигиены 3-му курсу факультета подготовки врачей для ВМФ, а 4-му – радиационной гигиены. Моя подготовка к занятиям не занимала много времени, так как алгоритм их со времени адъюнктуры находился в личном конспекте. Кроме этого кафедра разработала учебное пособие, которое облегчало выполнение курсантами задач, предусмотренных планом 4-х часовых практических занятий. Самым важным считал установление контакта с учебной группой (12 человек), а также ведение воспитательного процесса с использованием имевшегося опыта практической службы в Арктике и элементов педагогики, полученных в адъюнктуре, а также в учебной роте санитарных инструкторов. Процесс педагогического опыта накапливался с каждым циклом. Редкая неделя при работе в режиме шестидневки была без ежедневных 4-х часовых занятий.

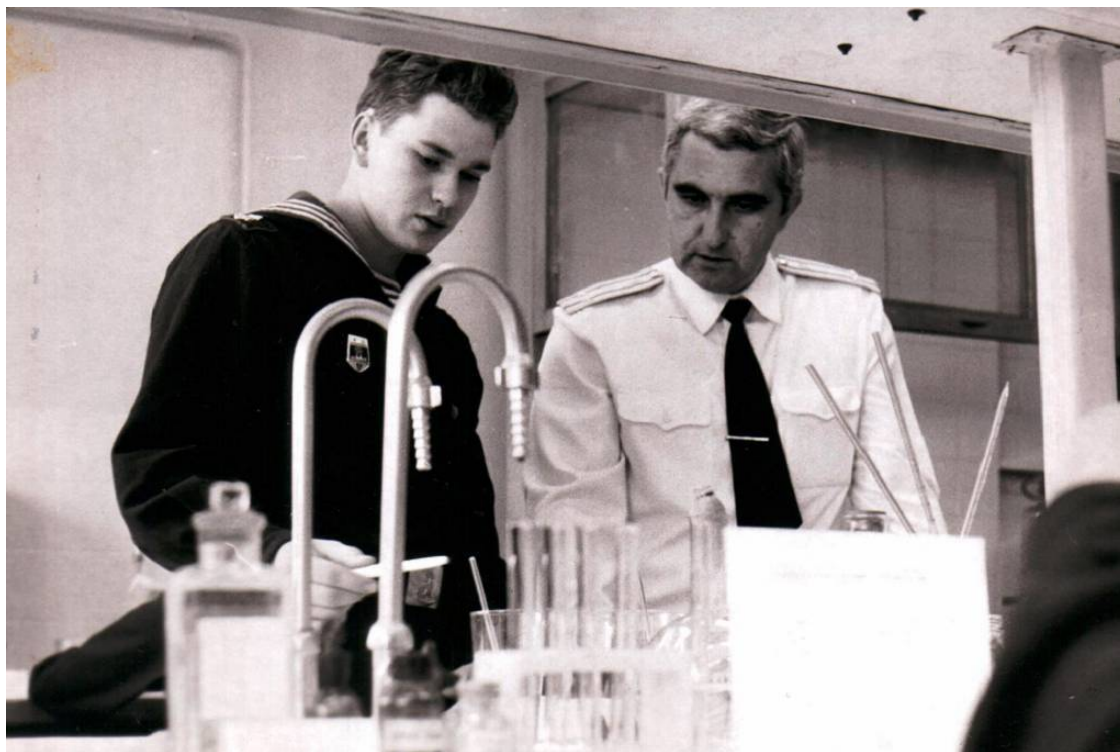

Фото 13. Подполковник медицинской службы Жолус Б.И. принимает зачёт (1983).

Однако молодых преподавателей поджидали всевозможные отрывы от основных занятий. Так случилось, что уже через полгода, в начале 1980 года, был включён в состав приёмной комиссии академии с полным откомандированием от кафедры. Мне достался участок работы, который состоял в ежедневном получении секретных личных дел офицеров, изъявивших желание учиться на факультете руководящего состава медицинской службы. Дела поступали из 26 округов Министерства обороны СССР, 4 флотов и одной флотилии. Специальностей для поступления было объявлено не меньше 10. В задачу входило создание первичной табличной информации для конкурсного отбора личных дел. После первого заседания комиссии утверждался список лиц, вызываемых для сдачи экзаменов по специальности, организации военного здравоохранения и истории КПСС.

В начале лета 1980 года начальник кафедры ВМРГ профессор В.Г. Чвырёв вызвал к себе в кабинет и огласил: «Борис Иванович, вы командируетесь в Антарктиду». Когда, зачем, на сколько? На эти вопросы шеф мне не ответил, их предстояло решить в Москве в Министерстве обороны, куда вызовут, и в НИИ Арктики и Антарктики на Фонтанке, в котором должен получить общую информацию об Антарктических экспедициях и, возможно, пожелания по исследованиям. Рассказ о моём участии в экспедиции – отдельная тема, описанная мною в книге «Мир глазами военно-морского гигиениста» М.–СПб. – 2009, – 212 с.

В данном случае речь идёт об отрыве от преподавательской деятельности почти на 1,5 года в связи с вышеприведенными заданиями командования. Возвращение к преподаванию произошло только в сентябре 1981 года.

Фото 14. Комиссия принимает экзамен по ВМРГ. В центре – начальник кафедры полковник медицинской службы профессор Г.Н. Новожилов (1984).

В статусе преподавателя кафедры ВМРГ я находился до ноября 1984 года. С позиций прожитого времени, хочу отметить естественный рост методической работы. Начальник кафедры профессор Новожилов Геннадий Николаевич (в 1982 году В.Г. Чвырёв был назначен Главным гигиенистом Минобороны СССР и переведен в Москву в Центральное военно-медицинское управление) доверил мне написание в создававшийся учебник «Военно-морская и радиационная гигиена» главы «Водоснабжение кораблей и военно-морских баз». Для молодого преподавателя это было высоким доверием. До этого кафедра испытала меня в преподавании вышеуказанной тематики слушателям первого факультета (двухгодичное обучение) группе «военно-морской и радиационной гигиены».

Несмотря на положительный служебный статус, мною было принято решение перейти на практическую работу с целью приобретения опыта. Отдел кадров ВМФ предложил должность главного гигиениста Северного флота (СФ), где предшественник уходил в запас.

В подчинении главного гигиениста находился санитарно-гигиенический отдел санитарно-эпидемиологического отряда (СЭО) СФ. Так произошёл второй, трёхлетний, перерыв в преподавании в академии. Однако и на Северном флоте приходилось периодически обучать офицеров медицинской службы, проходившим циклы в интернатуре флота, вопросам гигиены.

Фото 15. Старший преподаватель кафедры ВМРГ подполковник медицинской службы доцент Жолус Б.И. проводит занятие (1987).

Возвращение в академию, на кафедру ВМРГ уже старшим преподавателем произошло в июне 1987 года. Это событие я считаю четвёртым поступлением в академию. Объясняется тем, что уходил из академии добровольно, а не направлялся на стажировку с гарантией возвращения, как тогда практиковалось. Кроме того, твёрдая позиция в вопросах охраны здоровья военнослужащих СФ, нередкие «встречи» с политработниками на этом поле, дошли до академии и могли повредить вопросу возвращения на кафедру. Следует отдать должное начальнику кафедры ВМРГ профессору Г.Н. Новожилову, который правильно оценил мою деятельность на Северном флоте.

Одним из первых шагов на поприще старшего преподавателя стало введение нового учебного занятия «Правовые основы охраны жизни и здоровья личного состава ВМФ». Для преподавателей любого ВУЗа понятно, какой это непростой шаг и какова его значимость.

Ещё во время службы на флоте у меня утвердилось убеждение в том, что профилактика заболеваний, травм, отравлений и других нарушений состояния здоровья военнослужащих не может решаться только силами и мерами медицинской службы. Разработка данной проблемы задумывалась в рамках написания докторской диссертации. Благо к этому времени был накоплен большой фактический материал.

Работа по созданию докторской диссертации является напряжённой. Для преподавателя, в отличие от научного сотрудника, она утяжелена учебным процессом. При правильной организации режима труда диссертанту необходимо ежедневно выделять время на написание работы, в любых условиях. Так, мне приходилось в гостинице г. Лиепая просить письменный стол в номер. В 1988 году в этом латвийском городе базировалась бригада дизель-электрических подводных лодок, на которых стажировались слушатели академии, а я был руководителем стажировки. Ещё раз, на удивление персонала, просил стол в номер в санатории "Дивноморское" в 1989 году.

В качестве подтверждения напряжённости труда приведу снижение иммунитета организма, выразившегося в неоднократных ячменях. До этого периода жизни их у меня никогда не было.

Одним из примеров продолжения исследований может служить следующий факт. С помощью своих учеников уже служивших врачами в базах ВМФ и приморских городах изучили вопрос продолжительности жизни кадровых военнослужащих, вызвавший повышенный интерес общественности, а позже ставшей темой докторской диссертации одного из преподавателей академии. Важным элементом работы над диссертацией является полнота опубликования её материалов. Мне удалось опубликовать 40 статей в различных журналах. При этом значительный интерес у общественности вызвала статья в еженедельнике «Аргументы и факты» с названием «Здоровье народа – критерий цивилизованности страны». Она прозвучала и на защите диссертации.

4 апреля 1991 года состоялась защита докторской диссертации. Из всего её процесса выделю оценку моего выступления без текста в руках, данную профессором генерал-лейтенантом медицинской службы в отставке А.С. Георгиевским. Его участие в дискуссии для меня было самым высоким одобрением моего труда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.